

УДК 821.161.1

Т. В. Швецова

<https://orcid.org/0000-0001-9637-6958>

А. П. Земляникин

<https://orcid.org/0000-0003-2399-862X>

**Проблема создания когнитивной модели поступка литературного героя
(на материале романа А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов»)**

Для цитирования: Швецова Т. В., Земляникин А. П. Проблема создания когнитивной модели поступка литературного героя (на материале романа А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов») // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 53–60. DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-52-59

Исследование творчества русских писателей с точки зрения современных литературоведческих подходов – одна из ведущих проблем теории и истории литературы. В настоящее время пишется множество работ. Данная статья выдержана в рамках указанного подхода и посвящена анализу одного из аспектов романа А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов». Мы рассмотрели образ героя романа, Павла Вихрова, с точки зрения совершения им активно-ответственного поступка, маркирующего его место в мире. Центральной проблемой статьи заявлено когнитивное моделирование поступка литературного героя.

В статье исследуется природа поступка литературного героя в художественном пространстве русского романа; подвергаются анализу возможности когнитивного подхода к изучению поведения литературного героя. Носителем поступка является герой, введенный в ряд литературных универсалий, – это «человек сороковых годов». Новизна работы во многом определяется соединением литературоведческих методов исследования и технологий категориально-системного и когнитивного анализа текстов. Результатом анализа становится алгоритм создания модели поступка литературного героя и применение ее к конкретному произведению.

Авторы статьи приходят к выводу, что описание поступка литературного героя с помощью когнитивных моделей позволяет: во-первых, понять мотивы поступка героя А. Ф. Писемского; во-вторых, исследовать суть самого этого поступка; в-третьих, через поступок литературного героя изучить особенности художественной картины мира А. Ф. Писемского.

Ключевые слова: русская литература XIX в., А. Ф. Писемский, литературный герой, поступок, когнитивное моделирование.

T. V. Shvetsova, A. P. Zemlynikin

**The problem of creating a cognitive model of the act of a literary hero
(based on A. F. Pisemsky's novel «Men of the forties»)**

Studying the work of Russian writers from the perspective of modern literary approaches is one of the leading problems of the theory and history of literature. Many research works are written within that framework. Designed on the basis of such an approach, this article is devoted to the analysis of one of the aspects of A. F. Pisemsky's novel «Men of the Forties». We examined the image of the novel's protagonist, Pavel Vikhrov, from the point of view of his committing an actively responsible act marking his place in the world. The central problem of the article is the cognitive modeling of the act of a literary hero.

The article studies the nature of the act of a literary hero in the artistic space of a Russian novel; the capacity of the cognitive approach to studying the behavior of a literary hero is analyzed. The performer of the act is a hero introduced into a number of literary universals, i.e. «a man of the forties». The novelty of the research work is largely determined by the combination of literary research methods and the technologies of categorical-system and cognitive analysis of texts. The result of the analysis is an algorithm for creating a model of the act of a literary hero and applying it to a specific work.

The authors of the article come to the conclusion that the description of the act of a literary hero using cognitive models allows: firstly, to understand the motives of the act of A. F. Pisemsky's hero; secondly, to discover the essence of this act; thirdly, to study the features of A. F. Pisemsky's artistic picture of the world through the act of a literary hero.

Keywords: Russian literature of the 19th century, A. F. Pisemsky, literary hero, act, cognitive modeling.

Сегодня проблема когнитивно-концептуального анализа текста активно разрабатывается филологами. Ж. Н. Маслова комментирует эту проблему как возможность «выделить, описать и представить уникальное авторское мировидение, заложенное в сознании в виде концептуальной системы и выраженное материально в виде текста» [Маслова, 2012].

Когнитивный подход и метод когнитивного моделирования является перспективным приемом. Он применяется в том числе и в литературоведческих работах [Ахапкин, 2012; Витковская, 2004] и позволяет наглядно изобразить структурированное знание в виде когнитивной карты или матрицы.

Надо заметить, что методика когнитивного анализа художественного текста находится в стадии разработки. Однако описан интересный опыт когнитивно-дискурсивного анализа художественного текста, например, в публикации Е. В. Шустровой [Шустрова, 2013]. Исследовательница предложила вариант выстраивания когнитивного анализа, включающий следующие этапы: 1) анализ русского поэтического языка с выделением ведущих образных моделей; 2) установление параллелей с устойчивыми выражениями и моделями обиходного русского языка; 3) анализ частотных сопутствующих лексем; 4) выделение метафорических моделей, присущих языку в целом; 5) обращение к художественному дискурсу (произведения конкретного писателя); 6) сопоставление общезыковых и авторских моделей. Как видим, автор данной методики работает в рамках когнитивной лингвистики и далек от проблем литературоведения.

Методика когнитивного анализа поэтического текста составлена Ж. Н. Масловой [Маслова, 2012]. Она же описывает основные положения когнитивного исследования поэтического текста.

К. Р. Новожилова [Новожилова, 2009] предложила вариант когнитивной интерпретации художественного текста на примере повествовательных произведений разных жанров (басни Г. Э. Лессинга, притчи Ф. Кафки, повести И. Коэн, рассказа В. Борхерта). В работе лингвиста намечен когнитивный анализ образа героини. В этом отношении статья К. Р. Новожиловой кажется нам особенно ценной.

В статье А. С. Романенко [Романенко, 2015] представлены результаты исследования структуры художественного концепта «сделка с дьяволом» на материале драматической поэмы Н. Ленау «Фауст» (1836). При моделировании фреймовой структуры данного художественного концеп-

та автор использует идею двухуровневой структуры фрейма. Согласно этой идее она выделяет слоты верхнего уровня и нижнего уровня. Затем рассматривает вербализацию компонентов каждого уровня структуры в драматической поэме.

Стоит заметить, что существующие исследования признают важную роль когнитивной характеристики литературно-художественного дискурса. В них описывается фреймовая структура ситуации (разговор с полицейским и др.) или сценария (покупка, свадьба, поход в театр и т. д.), проводятся наблюдения над фреймами объектов (поэт, птица и др.), выполняется когнитивный анализ жанров. Сценарий поступка литературного героя не входит в сферу научного анализа специалистов, за исключением лингвистических исследований, в которых анализируются номинации поступков в разных языках и выстраивается фреймовая структура концепта «поступок» в разных национальных картинах мира [Бушуева, 2017; Ускова, 2012].

Мы рассмотрим художественное сочинение А. Ф. Писемского, его героя с точки зрения когнитивного методологического подхода, актуального направления в отечественной и зарубежной науке. Центральный тезис нашей статьи состоит в том, что построение когнитивной модели поступка эпического героя у А. Ф. Писемского позволяет выполнить анализ характера героя в художественной картине мира писателя.

Исследователи творчества А. Ф. Писемского заявили о необходимости современного научного прочтения его произведений [Синякова, 2008, с. 93]. Представляет интерес научное истолкование текстов Писемского, заключающееся в когнитивной интерпретации сочинений романиста, в частности в выстраивании когнитивных моделей поступка его героя. Вопрос о поступке героя в романах А. Ф. Писемского привлекает внимание литературоведов. Е. Л. Федорова [Федорова, 2018] пишет о неоднозначности поступков героев его романов и непредсказуемости их поведения. Главный принцип поэтики романов А. Ф. Писемского исследовательница сформулировала как «раскачивание» подобно маятнику – от одного поступка к другому [Федорова, 2018]. Таким образом, анализ проблемы поступка литературного героя в этом романе Писемского позволяет смоделировать образ человека и образ его поступка, характерный для романов этого писателя и для русской литературы сороковых годов XIX века в целом.

Для А. Ф. Писемского проблема «человека сороковых годов» была концептуальной. Образ

Павла Вихрова из романа «Люди сороковых годов» открывает собой галерею «людей сороковых годов» (А. И. Герцен, И. И. Панаев, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский и др.), «в этом герое 40-х годов писатель стремился воплотить те черты, которые представлялись ему наиболее привлекательными. Артистически и литературно одаренный, красивый, пылкий и добрый, Вихров возбуждает восторженную привязанность в тех, кто сталкивается с ним» [Лотман, 1964].

По определению ученых, «человек сороковых годов» – это культурно-историческая формация, исторический характер, тип культурно-исторического поведения, сверхтип (Л. Н. Синякова [Синякова, 2008], В. В. Лазутин [Лазутин, 2010]), литературная универсалия (А. А. Фаустов [Фаустов, Савинков, 2015]), стереотип (Н. Н. Володина [Володина, 2010]).

Д. Овсяннико-Куликовский перечислил базовые свойства подобного типа героев: «„Человек сороковых годов“ в истории русской интеллектуальной культуры определяется, во-первых, как „гегельянец“, адепт абстрактно-идеализирующего философствования; во-вторых, как „эстет“, полагающий незыблемым примат красоты над пользой; в-третьих, как либерал, стремящийся к утверждению „гуманитета“ в современном ему обществе; в-четвертых, – „западник“, утверждающий социально-политический и исторический приоритет западных обществ перед российским» [Овсяннико-Куликовский, 1989]. Павел Вихров не встраивается в эту парадигму. Думается, что этот герой А. Ф. Писемского представляет собой вариацию на тему «человека сороковых годов».

На материале романа «Люди сороковых годов» мы выявили около двадцати ситуаций,

описывающих поступки, которые с максимальной четкостью отражают характер персонажа. Заметим, что под поступком мы понимаем те ситуации, в которых герой действует не так, как это регламентировано обществом: то есть имеет место нарушение закона, или расхождение с общепринятыми моральными ценностями, или излишний альтруизм и т. д. Иными словами, нас интересовали те события, от которых зависело дальнейшее развитие сюжета и в которых герой проявлял бы себя как личность.

Методика описания поступка литературного героя в романе включала следующие шаги:

1) выделение в тексте литературной универсалии – «человек сороковых годов»;

2) определение стереотипной ситуации, к которой принадлежит поступок литературного героя (например, охота, отъезд на учебу в город, подготовка театрального представления, сочинение и др.);

3) установление интенции поступка литературного героя;

4) описание механизма зарождения, осуществления и исхода поступка литературного героя;

5) привлечение к анализу разнообразных контекстов из произведения, описывающих локализацию, длительность, психоэмоциональное и физическое состояние героя в разные фазы совершения поступка, сопутствующую образность (колористика, ольфакторность, фоника и акустика, одорология, кинесика, вербальное и невербальное поведение);

6) вывод о типе поступка литературного героя.

В качестве примера рассмотрим модель поступка, условно названную «Сочинение».

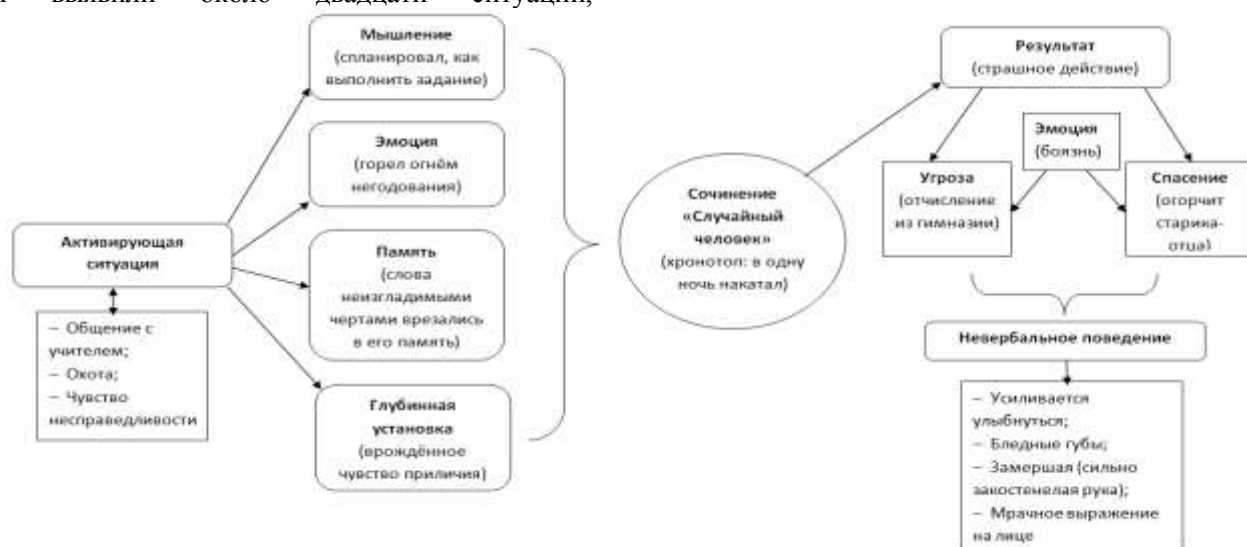

Рисунок 1. Модель поступка «Сочинение»

Согласно этой модели мы видим, что для возникновения поступка необходима активирующая ситуация: в нашем примере это доверительные отношения гимназиста Павла Вихрова с учителем математики Николаем Силычем Дрозденко. Под его влиянием Вихров придумал сочинение, направленное против учителя словесности, неправедным путем занявшего свой пост: бывший надзиратель стал учителем словесности в результате романа с дочерью директора. Общение с Николаем Силычем заронило в молодую душу героя глухую и затаенную ненависть по отношению к директору и к начальству. Автор показал внутреннюю работу Павла, внутреннюю борьбу приобретенной дерзости и врожденного чувства приличия («Одно только врожденное чувство приличия останавливало его, что он не делал с начальством сцен» [Писемский, 1983, с. 80]).

Когнитивная работа Вихрова вербализована у Писемского так: «Счастливая мысль мелькнула в его голове: давно уже желая высказать то, что наболело у него на сердце, он подошел к учителю и спросил его, что можно ли, вместо заданной им темы, написать на тему: „Случайный человек”» [Писемский, 1983, с. 81]. В приведенном контексте задействованы лексемы, актуализирующие значение ‘мыслительная деятельность’ (*мысль мелькнула в его голове*), ‘желание высказаться’, ‘внутреннее переживание’ (*наболело на сердце*), ‘формулировка вопроса’, ‘творческий посыл’, ‘креативность’ (изменение темы задания). Содержание сочинения обличало «кумовство» в училище и содержало оценку исторической ситуации в России.

Молодой сочинитель прекрасно понимал, чем ему грозит подобный поступок, переживал только об одном: что будет с отцом, если сочинителя исключат из учебного заведения («он всего более боялся, что если его выгонят, так это очень огорчит старика-отца» [Писемский, 1983, с. 82]).

Романист подчеркнул скорость исполнения задания: «Павел пришел и в одну ночь накатал сочинение» [Писемский, 1983, с. 81]. Показал эмоциональное состояние Вихрова: «горел огнем негодования» [Писемский, 1983, с. 81].

Последствия экстраординарного поступка Вихрова были внушительными – его собирались исключить из гимназии: «Сочинение это произвело, как и надо ожидать, страшное действие... Инспектор-учитель показал его директору; тот – жене; жена велела выгнать Павла из гимназии» [Писемский, 1983, с. 81].

Невербальное проявление результата поступка передано в изменении цвета лица героя: «Павел все это время стоял бледный у дверей залы» [Писемский, 1983, с. 82], он боялся.

К счастью, все обошлось. Николай Силыч заступился за дерзкого гимназиста, на заседании произнес сильную речь, и в результате комиссия приняла решение оставить Вихрова в списках учащихся. Этот поступок изменил как героя, так и окружающий мир вокруг него. Павел горделиво заявил, что «примется» и за других.

Реплики Писемского, описывающие характер вербального поведения героя, указывают на неестественность его поведения: «– Что же? – спросил он, усиливаясь улыбнуться, вышедшего из совета Николая Силыча» [Писемский, 1983, с. 82], он делает попытку улыбнуться, когда совсем этого не хочет.

Поддержка со стороны Николая Силыча заставляет Вихрова бахвалиться: «– Очень рад, – проговорил он, – а то я этому господину <...> хотел дать пощечину, после чего ему, я полагаю, неловко было бы оставаться на службе» [Писемский, 1983, с. 83]. Показательно то, как А. Ф. Писемский описывает речевое поведение Павла: «По бледным губам и по замершей (как бы окостеневшей на дверной скобке) руке Вихрова можно было заключить, что вряд ли он в этом случае говорил фразу» [Писемский, 1983, с. 83]. Невербальная часть поступка указывает на крайнее нервное напряжение, выраженное в положении тела; готовность и решительность Вихрова.

Итак, исследование данного поступка Вихрова обнаруживает, какие когнитивные механизмы работают в жизненном цикле поступка героя (мышление, память, эмоции, глубинные установки), а также – какими средствами пользуется романист, чтобы донести до читателя суть происходящего.

Павел Вихров совершает поступок, обнаруживающий его писательский талант, в последующем неоднократно подкрепленный (будучи пылко влюбленным, он пишет повесть «Булатное кольцо», позже работает над произведениями, за которые его отправляют в ссылку). Он – росший без матери, воспитанный генералом отцом и трепетно любящий своего родителя, верующий, получивший университетское образование, идеалистически настроенный, очень эмоциональный молодой человек. Один из его финальных поступков – разрушение моленной у раскольников. Для поколения сороковых годов переживание

религиозного кризиса не было редкостью. Но в случае с Вихровым мы сталкиваемся вовсе не с кризисом веры и разочарованием в Творце.

Волею судьбы его ссылают в губернский город помощником губернатора по особо важным де-

лам. По указу губернатора он разрушает моленную раскольников. Рассмотрим данный эпизод и проанализируем структуру поступка Вихрова.

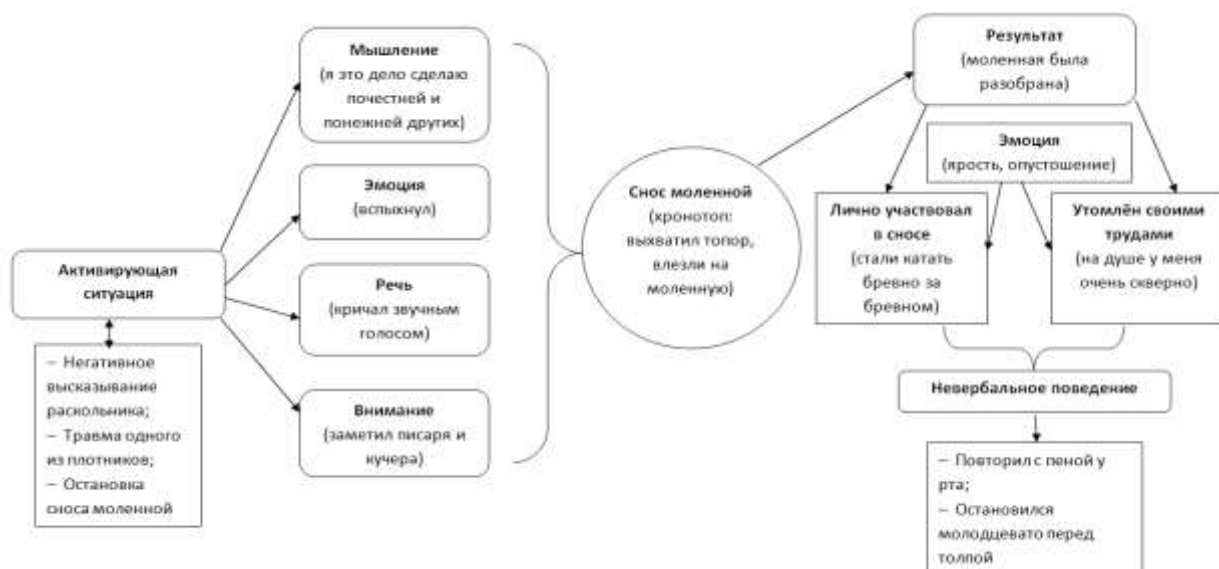

Рисунок 2. Модель поступка «Разрушение раскольничьей моленной»

Надо отметить, что герой понимал, что хоть и выполняет приказ, но совершает нечто страшное: «Я здесь со страшным делом: я по поручению начальства ломаю и рушу раскольничью моленную и через несколько часов около пяти тысяч человек оставлю без храма...» [Писемский, 1983, с. 246]. В один момент рабочие отказались продолжать разрушать моленную, и Павел, схватив топор, самостоятельно начал процесс сноса.

Павел размышляет в письме к Мари о нравственной стороне этого события: «...мне все-таки кажется, что я это дело сделаю почестней и понежней других и не оскорблю до такой степени заинтересованных в нем лиц» [Писемский, 1983, с. 246]. Это связано с тем, что сам Вихров — глубоко верующий человек, понимающий, что любая религия имеет право на свое существование. Ему в определенной степени жаль раскольников, он с сожалением понимает, что ему придется разрушить очень древний русский храм. Поэтому он старается максимально «закрывать глаза» на различные формальности, к которым он, как ответственное лицо, должен подходить с особой тщательностью: «Я стараюсь быть непредусмотрительным чиновником» [Писемский, 1983, с. 249].

В сцене присутствуют зрительные и слуховые образы: «Остановившись на этом месте писать, Вихров вышел посмотреть, что делается у мо-

лельни, и увидел, что около дома головы стоял уже целый ряд икон, которые на солнце блестели своими ризами и красками», «...колокол сейчас же закачался, зазвенел и вслед за тем начал тихо опускаться по наклонной следе, продолжая по временам прозванивать» [Писемский, 1983, с. 248].

Вихров сочувствует тем людям, у которых ему приходится отнимать их святыню: «— Батюшка! В моленной наши две иконы божии, не позволишь ли их взять? — Пожалуй, возьмите! — разрешил им сейчас же Вихров» [Писемский, 1983, с. 247].

Павла гнетет чувство совести, это выражается в том, что он постоянно передвигается: выходит из своей комнаты на улицу, следит за процессом сноса моленной и вновь возвращается в помещение: «Было раннее, ясное, майское утро. Вихров, не спавший всю ночь, вышел и сел на крылечко приказа» [Писемский, 1983, с. 245], «Герой мой тоже возвратился в свою комнату и, томимый различными мыслями, велел себе подать бумаги и чернильницу и стал писать письмо к Мари...» [Писемский, 1983, с. 246], «Остановившись на этом месте писать, Вихров вышел посмотреть, что делается у молельни...» [Писемский, 1983, с. 247], «— Я все-таки пойду, пусть они меня убьют, —

сказал Вихров и, надев фуражку, пошел» [Писемский, 1983, с. 250].

Причиной того, что Вихров сам начал разбивать моленную, стала фраза одного из работников. Эмоциональное состояние Павла вербализуется в лексике: «Вихров вспыхнул: кровь покойного отца отозвалась в нем» [Писемский, 1983, с. 250], он постоянно кричит. Психологический накал сцены выражен на уровне знаков-жестов: выхватил у стоящего около него мужика «заткнутый у него за пояс топор, остановился молодежато перед толпой; фуражка с него спала в эту минуту, и курчавые волосы его развевались по ветру» [Писемский, 1983, с. 250], «повторил Вихров уже с пеною у рта». Разрушитель находился в состоянии аффекта: « – Послушайте, братцы, – произнес Вихров, переставая работать и несколько приходя в себя от ударившей его горячки в голову...» [Писемский, 1983, с. 251].

Все события разворачиваются молниеносно, поступок Вихрова имеет магнетическое действие на людей: одни покорно отдают топоры, другие послушно влезают на постройку и раскатывают бревна.

Результат поступка – усмирение бунтовщиков и возобновление сноса моленной: « – Пойдемте, – проговорили прежние же плотники, и через несколько минут они опять появились на срубе моленной и стали ее раскатывать» [Писемский, 1983, с. 251].

После случившегося Вихров предается саморефлексии, свои мысли он доверяет бумаге: «Вихров пришел домой и дописал письмо к Мари. „Все кончено, я, как разрушитель храмов, Александр Македонский, сижу на развалинах. Смирный народ мой поершился было немного, хотели, кажется, меня убить, – и я, кажется, хотел кого-то убить. Завтра еду обратно в губернию. На душе у меня очень скверно”» [Писемский, 1983, с. 253]. Каждый раз автор допускает оговорку, насколько происходящее тяжело для героя. Каждый раз над обязанностями чиновника в нем доминирует человечность («стараюсь быть непредусмотрительным чиновником»).

Вихров совершил страшное деяние – разрушил храм (моленную), он понял, что способен на преступление, даже на убийство, он не боится собственной смерти. Неслучайно он сравнивает себя с Александром Македонским – язычником, жаждавшим подчинить себе целый мир. Все эти характеристики образуют комплекс признаков, составляющих тип «человека сороковых годов». «Человек сороковых годов» ведет активную рабо-

ту по преобразованию мира, он бросает вызов Творцу, пытаясь исправить его совершенное создание.

Итак, оба поступка «человека сороковых годов» указывают на то, что Павел – «родовой человек» (Л. Н. Синякова), принадлежность к роду фиксируется в потоке его мыслей, переживаниях за отца, вскипающей в нем *отцовской крови*. Древняя родовая этика руководит его поступком, когда Вихров желает выстрелить в лакея Ивана, по неосторожности убившего горничную Грушу из ружья: «кровь за кровь!» [Писемский, 1983, с. 376]. Он решителен, зол, страстен до болезненности. Чутко реагирует на оскорбления в отношении его чести. Он чувствует несправедливость происходящего и не желает с ней мириться. Доводит начатое дело до конца. Пребывает в постоянной готовности бросить либо принять вызов.

Проявления родовой сущности человека стали одним из главных предметов исследования А. Ф. Писемского в романе «Люди сороковых годов».

По содержанию романа можно судить, что большинство поступков Вихрова деструктивны: в детстве он стреляет по воробьям и принимает участие в истреблении медведя; в юности во время представления домашнего театра избивает гимназиста, пишет обличительное эссе «Случайный человек»; в молодости разрушает раскольничью моленную, вступает в отношения с замужней дамой.

Предприятие по разрушению моленной имеет ряд ключевых особенностей. Павел исполняет чужую волю – приказ губернатора. И в этом его поступке ощущается трансцендентный порыв: своей волей он усмиряет бунт и заставляет «раскатать» раскольничью постройку. Представляется, что Писемский неслучайно помещает поступки Вихрова в контекст проблемы «православие – старообрядчество». Из жизнеописания Вихрова известно, что тот посещал службы в храме, исповедовался, даже собирался одно время стать монахом. «Родовой» и «социальный» человек в сознании героя приходят в противоречие.

Модель поступка Павла Вихрова приводит к выводу о том, что герой не принадлежит ни к одному из двух крайних типов персонажей русской литературы – маленький человек или персонаж, претендующий на мировое первенство [Андреева, 2018, с. 14], он не самоуничижается и не демонстрирует превосходство над миром. Он тесно связан с родом, с отцом. Он не принадлежит

к типу героев, стремящихся «перервать все вопросы», подобно Печорину или Ивану Карамазову. Достаточно аскетичен в личном быту, не ищет для себя ни выгоды, ни пользы.

Благородные устремления «человека сороковых годов» имеют разрушительные последствия. Такой герой не проводит грани между плоскостью, в которой он творит мир по собственной воле, и плоскостью, находящейся в ведомстве Высших сил. Подобные поступки маркируют кризисное состояние мира [Николаев, Швецова, 2017].

Библиографический список

1. Андреева В. Г. Человек и проблема антропоцентризма в русском романе второй половины XIX века // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4. С. 13–21.
2. Ахапкин Д. Когнитивный подход в современных исследованиях художественных текстов (обзор новых книг) // Новое литературное обозрение. 2012. № 2. С. 298–312.
3. Бушуева Л. А. Фрейм поступка как «каркас события» и его речевые реализации // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика Труды и материалы Международной конференции. В 2 томах / под общей редакцией К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Д. А. Мартянова, Г. А. Николаева. Саратов : Наука, 2017. С. 38–41.
4. Витковская Л. В. Когнитивно-концептуальный подход к интерпретации художественного текста // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2004. № 2. С. 188–193.
5. Володина Н. В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения: монография / Н. В. Володина. Москва : Флинта: Наука, 2010. 256 с.
6. Лазутин В. В. От памяти к истории: к вопросу о формировании представления о «людях сороковых годов» // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 2 (45). С. 101–110.
7. Лотман Л. М. Писемский-романист // История русского романа. Том второй. Пореформенная Россия и русский роман второй половины XIX века. 1964. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=172369&p=54> (дата обращения: 28.02.2020).
8. Маслова Ж. Н. Когнитивная концепция поэтической картины мира : монография. Москва : Флинта, 2012. 420 с.
9. Николаев Н. И., Швецова Т. В. Русская литература XIX века в аспекте теории кризиса / Н. И. Николаев, Т. В. Швецова // Русистика и современность. Старые вопросы, новые ответы / ред. И. Любохи-Круглик [и др.]. Katowice, 2017. С. 15–26.
10. Новожилова К. Р. Когнитивная интерпретация художественного текста // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. 2009. Вып. 4, Ч. 4. С. 49–58.
11. Овсянко-Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы: в 2 т. Т. 2. Люди сороковых годов / Д. Н. Овсянко-Куликовский. Москва : Художественная литература, 1989. С. 122–177.
12. Писемский А. Ф. Собрание сочинений. В 5-ти т. Т. 4, Т. 5. Люди сороковых годов / Подгот. текста А. Саакянц; Коммент. С. Розановой. Москва : Художественная литература, 1983.
13. Романенко А. С. К вопросу об анализе концептуального содержания (на материале художественного текста) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 6(39). С. 73–78.
14. Синякова Л. Н. Философия человека в творчестве А. Ф. Писемского: проблемы и решения // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2008. Т. 7. № 2. С. 93–98.
15. Ускова С. В. Семантический потенциал лексики поступков в русском языке // Язык и социальная динамика. 2012. С. 75–78.
16. Фаустов А. А., Савинков С. В. Универсальные характеры русской литературы: монография. Воронеж : Воронежский гос. пед. ун-т, 2015. 312 с.
17. Федорова Е. Л. Портрет как один из способов психологизации художественного образа персонажа (А. Ф. Писемский «Масоны») // Социальные и гуманитарные знания. 2018. Том 4, № 4. С. 276–281.
18. Шустрова Е. В. Методика когнитивно-дискурсивного анализа художественного текста // Педагогическое образование в России. 2013. № 6. С. 166–171.

Reference List

1. Andreeva V. G. Chelovek i problema antropocentrizma v russkom romane vtoroj poloviny XIX veka = The man and the problem of anthropocentrism in the Russian novel of the second half of the XIX c. // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2018. № 4. S. 13–21.
2. Ahapkin D. Kognitivnyj podhod v sovremennyh issledovanijah hudozhestvennyh tekstov (obzor novyh knig) = Cognitive approach in modern researches of artistic texts (new books review) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2012. № 2. S. 298–312.
3. Bushueva L. A. Frejm postupka kak «karkas sobytija» i ego rechevye realizacii = The phrame of the act as «a basis of the event» and its speech realizations // I. A. Bodujen de Kurtenje i mirovaja lingvistika Trudy i materialy Mezhdunarodnoj konferencii. V 2 tomah / pod obshhej redakciej K. R. Galiullina, E. A. Gorobec, D. A. Mart'janova, G. A. Nikolaeva. 2017. S. 38–41.
4. Vitkovskaja L. V. Kognitivno-konceptual'nyj podhod k interpretacii hudozhestvennogo teksta = Cognitive-conceptual approach to the artistic text interpretation // Vestnik Pjatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2004. № 2. S. 188–193.
5. Volodina N. V. Koncepty, universalii, stereotipy v sfere literaturovedenija = Concepts, universals, stereotypes in the sphere of literary criticism : monografija / N. V. Volodina. Moskva : Flinta: Nauka, 2010. 256 s.

6. Lazutin V. V. Ot pamjati k istorii: k voprosu o formirovanii predstavlenija o «ljudjah sorokovyh godov» = From memory to history of the formation of the notion about «the people of the forties» // Vestnik RGGU. Serija: Istorija. Filologija. Kul'turologija. Vostokovedenie. 2010. № 2 (45). S. 101–110.
7. Lotman L. M. Pisemskij-romanist = Pisemsky-novelist // Istorija russkogo romana. Tom vtoroj. Poreformennaja Rossija i russkij roman vtoroj poloviny XIX veka. 1964. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=172369&p=54> (data obrashhenija: 28.02.2020).
8. Maslova Zh. N. Kognitivnaja koncepcija pojeticheskoy kartiny mira = Cognitive conception of poetic world picture : monografija. Moskva : Flinta, 2012. 420 s.
9. Nikolaev N. I., Shvecova T. V. Russkaja literatura XIX veka v aspekte teorii krizisa = Russian literature of the XIX c. In the aspect of crisis theory // Rusistika i sovremennost'. Starye voprosy, novye otvety / red. I. Ljubohi-Kruglik [i dr.]. Katowice, 2017. S. 15–26.
10. Novozhilova K. R. Kognitivnaja interpretacija hudozhestvennogo teksta = Cognitive interpretation of an artistic text // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 9. 2009. Vyp. 4, Ch. 4. S. 49–58.
11. Ovsjaniko-Kulikovskij D. N. Literaturno-kriticheskie raboty: v 2 t. T. 2. Ljudi sorokovyh godov = Literary-critical works: in 2 t. T. 2 The people of the forties. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1989. S. 122–177.
12. Pisemskij A. F. Sobranie sochinenij. V 5-ti t. T. 4, T. 5. Ljudi sorokovyh godov = The collection of works. In 5 t., T. 5. The people of the forties / podgot. teksta A. Saakjanc; Komment. S. Rozanovoj. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1983.
13. Romanenko A. S. K voprosu ob analize konceptual'nogo sodержanija (na materiale hudozhestvennogo teksta) = To the question of concept content analysis (on the material of an artistic text) // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. 2015. № 6(39). S. 73–78.
14. Sinjakova L. N. Filosofija čeloveka v tvorčestve A. F. Pisemskogo: problemy i reshenija = The philosophy of a man in the creative work of A. F. Pisemsky: problems and decisions // Vestnik NGU. Serija: Istorija, filologija. 2008. T. 7. № 2. S. 93–98.
15. Uskova S. V. Semanticheskiy potencial leksemy postupok v russkom jazyke = Semantic potential of a lexeme act in the Russian language // Jazyk i social'naja dinamika. 2012. S. 75–78.
16. Faustov A. A., Savinkov S. V. Universal'nye haraktery russkoj literatury = Universal characters of Russian literature : monografija / A. A. Faustov, S. V. Savinkov. Voronezh, 2015. 312 s.
17. Fedorova E. L. Portret kak odin iz sposobov psihologizacii hudozhestvennogo obraza personazha (A. F. Pisemskij «Masonry») = A portrait as one of the ways of psychologization of an artistic image of a character (A. F. Pisemsky «Masons») // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2018. Tom 4, № 4. S. 276–281.
18. Shustrova E. V. Metodika kognitivno-diskursivnogo analiza hudozhestvennogo teksta = Methods of cognitive-discussive analysis of an artistic text // Pedagogičeskoe obrazovanie v Rossii. 2013. № 6. S. 166–171.